

ЕСТЬ ПРОСТО ПЕСНИ...

Ирма ЯУНЗЕМ,
народная артистка РСФСР

Слава о мастерстве Яунзем — она исполняет песни народов мира на 63 языках — облетела Европу и Азию, а пленки с ее голосом хранятся в студиях звукозаписи, как золотой фонд. У Ирины Петровны во всех республиках Советского Союза десятки учеников. Сейчас они профессиональные артисты. Ирма Яунзем неизменно бывает на концертах своих воспитанников, следит за судьбами начинающих певцов. И какой бы ни возникал разговор о проблемах и традициях народной песни у нас в стране, о профессиональном мастерстве певцов, Ирма Яунзем становится обязательным участником обсуждений, дискуссий, конференций: ее постоянно приглашают в состав жюри самых разнообразных конкурсов вокального — профессиональных и самодеятельных, выявляющих новые силы и возможности этого жанра...

В студии звукозаписи перед нами — горы магнитофонных пленок. Многие из них имеют тридцатилетнюю давность и стали уже редкостью. А как хорошо, как ценно было бы записать их на грампластинки! Тысячи и тысячи людей с наслаждением слушали бы у себя дома великолепный голос Яунзем. И снова оживили бы, снова зазвучали бы песни народов мира — соковов, собранные ею. Каких тут только нет: песен: и японские и датские, финские и бурятские, казахские и армянские, грузинские и татарские; тут и песни чукчей, камчадалов, эвен-

— Собственно, секретов нет. Есть просто песни. Сотни, тысячи песен... Все они прошли через мои руки, если так можно сказать. Вернее, прошли через меня самое... Они как бы стали частью меня, а не только вошли в мой репертуар. Складывался же этот репертуар, как все большое, — медленно, годами...

После окончания Петербургской консерватории я начала петь классические произведения. Голос у меня был сильный, школа хорошая, — я училась у Ксении Дорлиак и Ивана Васильевича Ершова. Наверное, я пела бы в опере, если бы вдруг не нашла себя в другом.

...Во время гражданской войны я разъезжала по фронту вместе с группой моих товарищей-артистов. Мы выступали перед бойцами Красной Армии. Люди тосковали по семьям, детям, они были оторваны от родных мест, от всего им близкого. Я исполняла многие романсы и классические арии из опер Римского-Корсакова и Чайковского, но особенно дорогими, нужными бойцам становились русские, белорусские, латышские народные песни. Я чувствовала, что они сближают меня с аудиторией, удивительно хорошо ею воспринимаются. Вот тогда-то и возникло у меня решение посвятить себя тем песням, которые создает сам народ. Понести их в самую гущу народную... Я по себе знала, как песня помогает человеку жить...

Семья наша отличалась музыкальностью. Мать обладала хорошим голосом и пела. Родители мои были латыши, но жили мы в Минске. Дома у нас частенько собиралось «латышское землячество», как шутили говорили сослуживцы отца — землемеры и агрономы. А когда собирались, то уж обязательно пели. Для нас, детей, это всегда было настоящим праздником: мы чуть ли не с пеленок участвовали в общем веселье. Пели под аккомпанемент цитры латышские и белорусские песни.

Именно с них-то и началась моя песенная коллекция...

...1921 год выдался страшный, голодный. Чтобы хоть как-то прокормиться, мы с сестрой бродили по белорусским деревням, меняя вещи на продукты. А по вечерам заслушивались песнями в крестьянских избах. Раскрывалась в них сама душа народа. Песни говорили не только о тяжелой доле, но и о народных мечтах. В город мы тогда привезли целое богатство: много белорусских песен — пожалуй, более сотни — свадебных и обрядовых, лирических и шуточных. Мне удалось записать эти песни; среди них были настоящие шедевры. Они на много лет сохранились в моем репертуаре. В то время я еще записывала, конечно, с голоса, по памяти, а часто старалась просто запомнить: даже бумага была роскошью.

Вот те давние находки я и включила позже в свой репертуар. И пользовались они наибольшим успехом. Так я поняла, что стою на правильном пути. Путь этот — пропаганда народного творчества... Раньше белорусские народные песни никогда не звучали с эстрады. Кстати сказать, уже в 1923 году за сбор и популяризацию белорусских песен мне одной из первых было присвоено почетное звание заслуженной артистки Белорусской ССР.

Трудно сказать, какие песни я сама предпочитаю. Люблю всякие. Люблю, чтобы в них был глубокий смысл. А он есть в каждой народной песне, каждая имеет свою «крупицу» поэзии, в каждой — своя изюминка! И каждая — прелесть как хороша! Есть ласковые, есть задорные, есть грустные. В каждой — свое солнце, своя аромат. И в конце концов — лишь потрудись, собери их вместе — какой же получится пышный букет! И ни с одной расставаться не хочется...

Так я стала ездить уже по всей стране, собирая все новые песни. Понятно, что каждая встреча дарит и новые песни. Например, моими первыми учителями азербайджанской песни были композитор Узеир Гаджибеков и певец Бюль-Бюль (Мамедов) — азербайджанский соловей.

В Казахстане я наслаждалась пением Куляш Байсеновой. От нее я записала «Дударю» и много других казахских песен. В Армении, в приватном доме художника Мартироса Сергеевича Сарьяна, в его солнечной мастерской я впервые встретила с чудесным певцом Шара-Тальяном; от него я услышала и записала

изумительные армянские песни Саят-Новы... Киргизской певице Сайре Кинзбаевой я благодарна за неповторимые киргизские напевы.

Чем больше было встреч, тем больше я богатеяла. И в каждом голосе находила свою, особую прелесть, у каждого певца училась особенностям его исполнения, его колорита, старалась ажиться в народный образ песни. Ибо не существует песни без образа народа, создавшего ее.

Помогало мне, может быть, и то, что я всегда старалась почувствовать язык, на котором собиралась петь. Я работала над каждым непривычным для меня сочетанием звуков, сосредоточивалась на фонетике, неуловимых тонкостях звучания. И кроме того, хотя бы по словарю и букварю старалась познакомиться с языком, которого не знала раньше...

Когда у меня появился фонограф, работать стало и легче и труднее. Я стала выезжать далеко в глухие деревни, хутора. Мне хотелось послушать стариков, познакомиться с народными хорами, записать забытые, древние песни. А как трудно было порой сломить, особенно в первые минуты, настроенность, а иногда даже и неприязнь людей, не понимавших, зачем они мне понадобились. Ведь я знала, что именно у них-то и берегутся драгоценные, редкостные песни. А они упрямо твердили, что ничего у них нет и ничего они «знать не знают». И тогда случалось чудо: единственная песня, которую я знала на их языке, меняла все! Сдержанность куда-то исчезала. Хозяева становились приветливыми, и мы начинали петь и порознь и вместе. Тогда уж я могла всласть, с упоением записывать дивные мелодии и всегда привозила их с собой великое множество.

Случались тут не только любопытные этнографические находки. Встречались настоящие шедевры! И нельзя было не включить их в репертуар...

Десятки, сотни песен я записывала сама, впервые заносила на ноты, включала в сборники, которые тогда издавались. Множество песен передала в этнографический отдел Академии наук, раздала своим ученикам.

Не менее щедры и внимательны были ко мне и собиратели фольклора, композиторы. Им я обязана замечательными обработками и инструментальным песен. Это М. Коваль, С. Василенко, М. Ипполитов-Иванов, А. Долуханян, В. Власов, В. Белый...

Открыла меня встреча с известнейшим исследователем и собирателем казахских и киргизского фольклора Александром Викторовичем Затаевичем. Это был подлинный энтузиаст, знаток народного творчества, хороший композитор. Я увлеклась его записями, разучила и исполнила несколько песен. Он высоко отозвался о моем исполнении, поощрил мои поиски.

Ученик Римского-Корсакова композитор Максимilian Осеевич Штейнберг специально для меня создал цикл песен для голоса с симфоническим оркестром — несколько тетрадей, куда вошли и обработки старинных песен; особенно люблю я «Сказ про татарский полон». Более 300 лет назад был сложен этот сказ, впервые обработанный Римским-Корсаковым. Меня привлекала в нем глубина эпического раздумья... Уверена: так, наверное, и в древний старец свой неторопливый рассказ о прошлом. Так вышло горе русское, неизбывная тоска полонянки, которая теперь уже не может вернуться «во родную Русь», не может покинуть ни дочь, ни внука... Этой песней-сказом я почти всегда начинала свою концертную программу: он дарил мне необходимое творческое настроение, волновал и трогал слушателя.

Однажды Алексей Максимович Горький пригласил меня, когда у него гостил Ромен Роллан. Я очень волновалась: хотелось, чтобы мое пение им понравилось. И тогда я тоже исполнила свой любимый «сказ». Оба писателя были очень растроганы. Ромен Роллан нашел, что сказ чем-то напоминает французские песни, старые — времен Роланда, Жанны д'Арк.

Через некоторое время я получила от Алексея Максимовича пакет с книгой его избранных сочинений и фотографиями. Книга и портреты Горького и Р. Роллана были с теплыми

надписями. Горький писал: «Очень хочется, чтобы Вы украсили Ваш богатейший репертуар и русскими старыми песнями». Не потому, что я их не пела, а потому, что Горький знал такие песни, о каких не знала даже я... В подарок он прислал мне четыре старинные песни, которые в молодости сам записал на Волге.

Судьба песни меня всегда глубоко волновала. Песня — это то, чем я дышу, то, без чего не ощущаю жизни. И я думаю с грустью, что красивую, самобытную русскую песню убивает сегодня песня псевдорусская, фальшивая, поддельная... Возможно, здесь отчасти виноваты и радио и телевидение, которые далеко не всегда с необходимой тщательностью отбирают свой репертуар. А ведь они тем самым прививают слушателям плохой вкус! Они заменяют поэтическую прелесть народной песни многочисленными дешевыми эрзацами народности.

Во время смотров или на концертах самодеятельности народная песня включается в репертуар как нечто обязательное, но порой живет в репертуаре лишь как принудительный ассортимент. Происходит это потому, что исполнители не ищут хорошую песню, а берут то, что лежит «на виду», то, что заметно... Между тем настоящая народная песня всегда стыдлива и целомудренна. Она прячет свою «изюминку». И классики прошлого и лучшие композиторы современности всегда знали это и потому-то создавали великолепные произведения на традициях народной песни. Так неужели же иссякли близкие, родные нам, подлинно русские мелодии?.. Ведь и наши современники Прокофьев, Шапорин, Свиридов, Шедри, Кабалевский черпают из народной кладовой. Из сокровищницы русской песни берут они многое для того, чтобы обогатить свое творчество. Но прелесть эту не все умеют (или не хотят) широко донести до народа, до многомиллионного слушателя. И хотя у нас все поют, поют и в детских садах, и в школьных хорах, и в самодеятельности, и в вузах, хотя у нас есть великолепные хоры при дворцах пионеров, академические хоры при республиканских и областных домах народного творчества, есть и еще многое другое, — все же среди молодого поколения находят-ся юноши и девушки, которые не чувствуют красоты песни, не понимают ни серьезной классики, ни народной музыки. Им нравятся изощренные джазовые западные ритмы, они любят музыку невысокого качества, а то и вовсе пошлую. Они распевуют бесконечные «ту-ру-рам, ту-ру-рам», дешевые, назойливые мелодии, насаждаемые радио и телевидением, «Голубым огоньком», нетребовательными к себе эстрадными исполнителями... Особенно обидно, когда даже талантливые певцы поют иногда «в угоду публике», отдавая дань моде, не отбирая репертуар. А между тем песни-однодневки, песни-огулянички ничего не способны дать душе человека. Это песни с минисмыслом, мини-настроением... Любовь к музыке, к настоящей песне надо прививать в семье, воспитывать с детства. Надо, чтобы ребенок чаще слушал хоровое пение, как, например, это принято и сейчас в Прибалтике. Тогда хорошая песня и легко доходит и поется с радостью! Чтобы воспитывать настоящий вкус, надо беречь народные традиции, как зеницу ока. В той же Прибалтике, в республиках Средней Азии, в Бурятии, Якутии, на Кавказе, в Чечено-Ингушетии, в Татарии, Башкирии всячески поддерживают народную песню, питают ею душу.

Я против архаики, это — дело этнографов. Но когда композитор пишет современную музыку, она должна быть насыщена народными традициями, должна иметь национальную основу. Мне кажется, это и есть самое ценное в творчестве.

Я знаю, что к столетнему юбилею Владимира Ильича Ленина готовятся интереснейшие музыкальные конкурсы. Будет и конкурс, посвященный народной песне. И я уверена, найдется что показать нашим музыкантам, нашим песенникам, чтобы достойно встретить великую дату.

ШИЛЛЕР
НА СЦЕНЕ
МАЛОГО

В канун Нового года Академический Малый театр СССР показал свою новую работу — «Разбойники» Шиллера.

Романтизм великого немецкого драматурга близок театру: пьесы Шиллера постоянно в репертуаре Малого, однако найти современное решение шиллеровской драматургии не просто. И режиссеру Леониду Заславскому, как и всему постановочному коллективу, понадобилось немало сил, чтобы убедительно и ярко раскрыть главную мысль трагедии: добрые цели не могут быть достигнуты за счет злодейства.

Карл Моор — эту роль играет артист Я. Барышев — становится центром спектакля. Он — атаман удалой разбойничьей шайки, совершающей убийства и грабежи, поджог, — удивляет своих товарищей тем, что до бычу отсылает сиротам, стремится к справедливому суду, возмездию. Но злодейство не открывает путей к справедливости. Обогранные кровью руки не может очистить даже любовь. Такова мысль спектакля. Злодейство порождает злодейство: от руки Карла Моора погибает его любовь, его Амалия...

Мрачны и зловещи высокие своды замка фон Мооров (художник спектакля В. Харитонов), где теперь царит Франц. И он несчастен, одержим страхом... Появление Карла в замке доводит Франца до иступления, до самоубийства... Артист А. Эйбоженко создает образ злого и трусливого маньяка: нравственное падение приводит его к гибели.

Появление одной из самых ярких сцен спектакля становится канцелярской проповедью Патера, срывающего разбойников к предательству атамана. Народный артист СССР В. Владиславский проводит эту сцену сдержанно, но ее обличительная, гротесковая сущность ясна. Патер — слащавый и хитрый — вызывает активное чувство неприятия.

Роль Амалии исполняет А. Ефимовна. Несмотря на традиционную трактовку образа, актриса нашла теплоту и человечность, сделавшие его убедительным, живым.

Н. ЗЫБИНА
На снимке: Карл Моор — Я. Барышев.
Фото И. Ефимова.